

Ширяева Татьяна Александровна, Черноусова Юлиана Анатольевна, Триус Лилия Ивановна
**СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ
ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ**

В статье рассматривается стратегия дискредитации как одна из основных коммуникативных стратегий британского парламентского дискурса дебатов. Авторы акцентируют внимание на важности изучения этой стратегии, формирующей у массовой аудитории представление о политических деятелях и институтах власти. В статье анализируются основные речевые тактики, реализующие стратегию дискредитации: противопоставления, создания негативного образа, разоблачения, косвенного обвинения, отождествления, укора, иронии, которые основаны на использовании широкого спектра лингвистических и стилистических средств. Использование данной стратегии способствует эффективному взаимодействию коммуникантов, позволяет спикеру достичь необходимого запланированного воздействия на аудиторию, минимизирует возникающие парламентские конфликты, негативно отражающиеся на политической, социальной и экономической обстановке в стране.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 180-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.42

В статье рассматривается стратегия дискредитации как одна из основных коммуникативных стратегий британского парламентского дискурса дебатов. Авторы акцентируют внимание на важности изучения этой стратегии, формирующей у массовой аудитории представление о политических деятелях и институтах власти. В статье анализируются основные речевые тактики, реализующие стратегию дискредитации: противопоставления, создания негативного образа, разоблачения, косвенного обвинения, отождествления, укора, иронии, которые основаны на использовании широкого спектра лингвистических и стилистических средств. Использование данной стратегии способствует эффективному взаимодействию коммуникантов, позволяет спикеру достичь необходимого запланированного воздействия на аудиторию, минимизирует возникающие парламентские конфликты, негативно отражающиеся на политической, социальной и экономической обстановке в стране.

Ключевые слова и фразы: коммуникативная интенция; коммуникативная стратегия; речевая тактика; языковой маркер; парламентский дискурс; парламентские дебаты; стратегия дискредитации.

Ширяева Татьяна Александровна, д. филол. н., доцент

Черноусова Юлиана Анатольевна, к. филол. н.

Триус Лилия Ивановна, к.и.н.

Пятигорский государственный лингвистический университет

shiryaevat@listl.ru; ellemoi@rambler.ru; lilya_trius@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ

Статья выполнена при поддержке РГНФ (Проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент»)).

В настоящее время в современной отечественной и зарубежной лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению интенционального аспекта речевой деятельности (Н. И. Клушина, И. М. Кобозева, Т. Е. Янко, В. S. Frey, R. Harnish, C. Plunze, A. Kemmerling, etc.). Ученые исследуют целевые установки текста и их языковую реализацию, изучают механизмы воздействия адресанта на когнитивную, волевую и эмоциональную сферы адресата. Базовыми понятиями таких исследований являются: коммуникативная интенция, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный ход, языковой маркер и т.д. Так, под коммуникативной интенцией понимают направленность сознания адресанта на достижение замысленной им цели, ради которой он вступает в коммуникацию [6]. Коммуникативная стратегия рассматривается как «запланированный адресантом сообщения ряд речевых и неречевых действий, направленных на реализацию его коммуникативных интенций, заключающихся в том, чтобы вызвать со стороны адресата тот или иной коммуникативный эффект» [5, с. 8]. В свою очередь, каждая стратегия реализуется за счет использования определенных тактик, которые представляют собой набор отдельных коммуникативных интенций и «эксплицируется совокупностью коммуникативных ходов, обуславливающих применение языковых средств» [2, с. 98]. Другими словами, стратегия – это наиболее общая цель говорящего, а тактика – более частные задачи, служащие для реализации главной цели (Л. О. Иванова, О. С. Иссерс, В. О. Мулькеева), которые реализуются посредством определенных приемов и находят выражение в специфических языковых средствах.

Особую актуальность изучение интенциональности речевой деятельности находит в исследовании парламентского дискурса, «порожденного и принадлежащего сфере парламентской коммуникации, находящей выражение в письменных текстах и ситуативных речевых практиках, принятых в парламентской среде, которые контекстуализируются знаниями, ценностями, властью и идеологией» [10, с. 212]. Именно в данном типе дискурса, на наш взгляд, знания об интенциях коммуникантов, корректное владение различными стратегиями и тактиками речевого поведения способствуют не только эффективному взаимодействию парламентариев и массового адресата, но и приводит к разрешению и урегулированию политических, а также парламентских конфликтов и предотвращению многих кризисов в политической, социальной и экономической сферах жизни современного общества [10].

Рассмотрим более подробно особенности функционирования и реализации коммуникативных стратегий и тактик в британском парламентском дискурсе дебатов, как одном из доминантных жанров британского парламентского дискурса. Не вызывает сомнений то, что дебаты интенциональны по своей сущности: участники дебатов намеренно вступают в диалог, который иногда приобретает агрессивный характер. Выражением агрессии партнеров по общению является использование такой коммуникативной стратегии, как стратегия дискредитации.

Речевая стратегия дискредитации – стратегия, направленная на снижение авторитета адресата в глазах третьих лиц [9] и представление спикера в «выгодном свете» [11, с. 206]. Использование стратегии дискредитации нацелено на то, чтобы подорвать доверие к оппоненту и снизить его значимость на политической арене, чтобы имплицитно продемонстрировать свое недовольство действиями и поступками партнера

по коммуникации. Данная стратегия представляет собой совокупность публичных речевых действий, которые нацелены на массовую аудиторию. Следовательно, можно выделить объект дискредитации (коммуниканта(ов) по дебатам) и объект воздействия (аудиторию, на чье мнение оказывается воздействие). Оратор, стремясь достичь максимального прагматического эффекта, в первую очередь будет принимать во внимание реакцию аудитории, подстраивая свою речь именно под её ценности, установки, особенности. Объект дискредитации в данном случае выступает как средство завоевания власти [1, с. 24].

Таким образом, стратегия дискредитации своей основной целью имеет изменение представления о политическом оппоненте в глазах массового адресата, формирование негативного представления о нем, понижение его политического статуса [8, с. 101]. При этом следует особо отметить тот факт, что языковые маркеры, к которым прибегает адресант, включают в себя: 1) отпечаток личности человека, приобретая индивидуальную окраску; 2) отражение социокультурных факторов, ориентацию человека на ту или иную социальную стратификацию языкового сообщества; 3) воссоздание политического, социального, культурного наследия представленной эпохи. Более того, стратегия дискредитации представляет собой явление диахроническое: доминирование в определенных периоды развития общества различных типов речевой политической дискредитации является следствием изменений этического критерия допустимости/недопустимости тех или иных средств дискредитации [3, с. 98].

Для достижения целей и задач стратегии дискредитации используются различные тактики. Следует отметить, что наиболее распространенными тактиками стратегии дискредитации считаются: тактика обвинения, оскорбления и издевки. При этом следует учитывать, что эффективность использования данной стратегии оценивается также по результатам речевого воздействия: адресат оскорблен, обижен или чувствует себя объектом насмешки [7, с. 90]. Некоторые исследователи отмечают существование тактики развенчания обмана, а в тактику издевки над политическим оппонентом включают целый спектр вариантов: ирония, насмешка, сарказм, ерничество и др. [3]. К. Е. Калинин, в свою очередь, полагает, что в политическом дискурсе можно говорить о таких тактиках, как тактика аргументации, демонстрации, подбора информации и ее интерпретация в необходимом свете, призыва, создание негативного образа, постулирование авторитетного мнения [5, с. 17].

По мнению ряда ученых, стратегия дискредитации представляет собой разновидность манипулятивной стратегии (В. И. Карасик, Д. Уолтон), которая заключается в скрытом воздействии на адресата и осуществляется с помощью передвижения акцентов, надевания маски, навешивания ярлыков, трансформирования ситуации и т.д. (И. И. Гулакова, И. А. Стернин, Е. И. Шейгал). Основными тактиками манипулятивной стратегии дискредитации выступают тактика побуждения и тактика трансформации.

Принимая во внимание существующие классификации тактического воплощения стратегий дискредитации и проанализировав некоторые скрипты современных британских парламентских дебатов, полагаем, что в данном типе дискурса стратегия дискредитации чаще всего реализуется при помощи следующих речевых тактик: противопоставления, создания негативного образа, разоблачения, косвенного обвинения, отождествления, укора, иронии. Обратимся к более детальному рассмотрению каждой из тактик.

Тактика противопоставления очень часто используется в парламентских дебатах. Основываясь на стилистическом приеме антитезы (мы – они, свои – чужие, добро – зло), данная тактика обладает мощным прагматическим потенциалом, так, например:

The Secretary of State for the Home Department (Mrs Theresa May): The United Kingdom has intelligence and security services that are the envy of the world, and some of the most enduring international security relationships. Together with our allies around the world, we must act with greater urgency and joint resolve than we have before... ...And we must do more to counter the poisonous and repugnant narrative peddled by Daesh and expose it for what it is – a perversion of Islam, built on fear and lies [12]. / Министр внутренних дел госпожа Мэй: У Соединенного Королевства система разведки и безопасности – это предмет мировой зависти и самые долговечные международные отношения в области безопасности. Совместно с нашими союзниками по всему миру мы должны действовать с большей настойчивостью и объединенной решимостью, чем мы это делали раньше. И мы должны делать больше, чтобы противостоять губительным и противоречивым теориям, навязанным ДАЕШ (ИГИЛ), и показывать их истинную сущность-искажение ислама, основывающееся на страхе и лжи. (Здесь и далее перевод наш – Ш. Т., Ч. Ю., Т. Л.).

Как видим, перед нами противопоставление: *the UK (we) vs Daesh*. При этом, лексические единицы, характеризующие *the UK*, имеют мелиоративную контекстуальную окраску, содержат прилагательные в сравнительной и превосходной степени (*the envy of the world, the most enduring international security relationships, great urgency and joint resolve*), а ЛЕ, связанные с *Daesh*, – пейоративную (*the poisonous and repugnant narrative peddled by Daesh, a perversion of Islam, built on fear and lies*). Использование вышеперечисленных ЛЕ создает заранее запрограммированный перлокутивный эффект: Соединенное Королевство представляется в выгодном свете, борцом за мир, а ДАЕШ (ИГИЛ) – оплотом всего отрицательного и дискредитирующего.

Рассмотрим еще один пример, в котором противопоставляется прошлое и настоящее зоны Шенгена. ЛЕ, указывающие на то, что было – мелиоративны (*a liberal, humanitarian principle, to enable to travel daily*), ЛЕ настоящего пейоративны (*at risk, seriously challenged, bending over backwards, to control the uncontrollable, makes painful reading*). Кроме того, использование аллюзии *Humpty Dumpty* и риторического вопроса достигает запланированного эффекта: мы осознаем несостоятельность действий такого управляющего органа, как комиссия, которая дискредитирована в наших глазах:

The Earl of Sandwich (CB): Schengen is now at risk. A liberal, humanitarian principle that has enabled millions to travel daily between frontiers has been seriously challenged, and may possibly be ended, by mass migration.

Humpty Dumpty has had a great fall and who will put him back together again? The Commission is bending over backwards to control the uncontrollable and its website on Schengen makes painful reading – I shall not repeat it [14]. / Граф из Сэндвич: Шенген сейчас под угрозой. Свободному, предназначенному для людей принципу, позволившему миллионам ежедневно путешествовать через границы, брошен серьезный вызов, и, возможно, ему придет конец из-за массовой миграции. Шалтай-болтай разбился, и кто вновь соберет его по частям? Комиссия из кожи вон лезет, чтобы контролировать неуправляемое, и их сайт, посвященный Шенгену, представляет собой плачевное чтиво – не буду это повторять.

Тактика создания негативного образа является типичной для парламентских дебатов. Языковыми маркерами данной тактики являются ЛЕ с отрицательными префиксами или имеющими пейоративную окраску. Достаточно часто авторы текстов для создания определенных негативных образов прибегают к идиоматическим выражениям.

Andy Burnham (Leigh) (Lab): ...Will she (the Home Secretary) condemn the ill-informed comments made on UK television today by Donald Trump?.. They play into the hands of the terrorists. They are intended to drive a wedge between the Muslim community and the rest of society, who are united in revulsion at what happened yesterday [Ibidem] / Энди Бёрнхэм (Ли): Осудит ли Министр внутренних дел комментарии, прозвучавшие сегодня по Британскому ТВ от плохо осведомленного Дональда Трампа?.. Они на руку террористам. Их цель – вбить клин между мусульманским сообществом и остальным миром, которые едины в своем отвращении к тому, что случилось вчера.

Совершенно очевидно, что ЛЕ *the ill – in formed comments, revulsion*, а также идиоматические выражения *to play into the hands of the terrorists, to drive a wedge between the Muslim community and the rest of society* вызывают у массового адресата отрицательное отношение к политике.

Рассмотрим еще один пример:

Baroness Ludford (LD): Unfortunately, the member states have behaved badly; they have been reactive and disorganised and, at worst, played the blame game [Ibidem]. / Баронесса Лудфорд: К сожалению, государства-участники очень плохо проявили себя; они были пассивны и не организованы и, что хуже всего, искали виноватого.

Не вызывает сомнений тот факт, что использование ЛЕ с отрицательными значениями (*unfortunately, badly, reactive, disorganised, at worst*) и идиомы (*played the blame game*) создает полностью негативный образ государств-участников и вызывает соответствующее отношение к ним.

Тактика создания негативного образа может сочетаться и усиливаться тактикой разоблачения. В таком случае адресант прибегает к использованию слов-интенсификаторов (*absolutely, plain*) и слов, указывающих на крайнюю степень заблуждений адресата (*wrong*), как это сделано в следующем примере:

Mrs May: Gentleman referred to the comments that Donald Trump has made today. I understand that he said Muslims were not coming forward in the United Kingdom to report matters of concern. This is absolutely not the case: he is just plain wrong [12]. / Госпожа Мэй: Господин ссылаясь на комментарии, которые Дональд Трамп сделал вчера. Я понимаю, что он заявил, что мусульмане не выступили с критикой и не высказали своего беспокойства по поводу произошедшего в Соединенном Королевстве. Это совершенно не так. Он абсолютно не прав.

Более того, для данной тактики характерно использование сравнительных оборотов (*rather sieve-like*), устойчивых выражений (*missing a trick*), ЛЕ, указывающих на твердое мнение адресанта (*I support very strongly... I do not believe*). Таким образом, весь набор средств и ЛЕ заставляет нас поверить адресанту, разоблачающему адресата:

Viscount Slim (CB): My Lords, we have to admit that our island-land, sea and air – is rather sieve-like, and those who really want to get into this country do so. In the front line that the Minister so ably talks about, the noble Lord, Lord Rosser, put his finger on an empty space at the moment. I refer to the Border Force, which I support very strongly... I do not believe that the Government are giving it proper support, and the sooner it is got up to a high operational level to take part in the front line the better. The Government are missing a trick here [13]. / Висконт Слим: Милорды, нам следует признать, что наш остров – наземное, морское, воздушное пространство – похоже на решето, и те, кто хочет попасть в нашу страну, попадают. На первом плане того, о чем наш министр так умело говорит, distinguished lord, lord Rosser, пустота. Я говорю о пограничных войсках, которые я всеми силами поддерживаю. Считаю, что правительство не оказывает им должной поддержки, и чем быстрее они выйдут на новый уровень функционирования, тем лучше. Правительство здесь многое упускает.

Тактика косвенного обвинения является одной из самых противоречивых тактик парламентских дебатов, это тактика тонкой грани. Для парламентариев очень важно замаскировать свои обвинения, используя при этом весь арсенал лингвистических и экстралингвистических средств. Для данной тактики характерна недосказанность, использование выразительных стилистических средств. Так, например, довольно часто используется аллюзия, заставляющая массовую аудиторию додумывать и интерпретировать на свой лад послание адресанта:

Lord Hannay of Chiswick (CB): I hope the UK will be generous in providing finance and material support in that respect, and not just sit like Pontius Pilate washing our hands. I say this because, to return to my original theme, we have plenty at stake in all this [14]... / Лорд Ханей из Чизик: Надеюсь, что Соединенное Королевство окажет щедрую финансовую и материальную поддержку в этой области, а не будет сидеть, как Понтий Пилат, смывая руки. Я говорю это потому что, возвращаясь к моей первоначальной теме, ставки в этом вопросе слишком высоки.

Если же адресант все-таки решается на косвенное обвинение адресата, то он в начале перечисляет его достоинства (*the Minister is a very decent man*), а потом уже указывает на недостатки (*feel any shame, offered*

no hope of refuge). Использование метафоры (*the fig-leaf the Government use to hid et heir discreditable policy*), а также большого количества ЛЕ с одним семантическим значением «смерть» (*died, escape death, risk death, dying*), конкретных данных (*7,000 or so dying*), риторического вопроса – создают ожидаемый перлокутивный эффект: обвинения обоснованы, мы верим, что правительство и министр виноваты:

Lord Ashdown of Norton-sub-Hamdon (LD): My Lords, the whole House knows that the Minister is a very decent man, but does he feel any shame at all for the fact that Britain offered no hope of refuge to any one of those who died seeking to escape death?.. The fig-leaf the Government use to hide their discreditable policy is that to offer hope of refuge to those who risk death in attempting to escape death is to tempt more to come. If 7,000 or so dying has not discouraged them so far, how many will [16]? / Лорд Эшдаун из Нортон – суб-Хэмдон: Милорды, вся Палата знает, что наш министр – очень достойный человек, но стыдно ли ему хоть сколько-нибудь по факту того, что Британия не дала никакой надежды погибшим беженцам, которые пытались избежать смерти? Фиговый лист, который использует наше правительство, пытаясь спрятать свою дискредитирующую политику, заключается в том, чтобы привлечь больше людей и дать надежду на убежище тем, кто рискует жизнью в попытке не умереть, чтобы. Если 7000 или около того погибших не озадачили правительство до сих пор, то сколько же озадачат?

К тактике **отождествления** очень часто прибегают в Британском Парламенте, чтобы звучать более убедительно. ЛЕ данной тактики – использование местоимений *I (my)* и *we (ours)*, ЛЕ со значением личного опыта (*start on a personal note*) и личных эмоций (*I find it despicable*):

Lord Wallace of Saltaire (LD): My Lords, if I may start on a personal note, while watching the television report on the Istanbul attack I noticed that it took place only a few days after I had walked down that street between meetings in Istanbul. To see the pictures of Brussels, where my wife was walking through the site the day before this happened, is to make one feel that we are not cut off from all this. This is part of our world. I find it despicable that the Brexit campaign should have tried to suggest that we could cut ourselves off from the world and that what happens 100 miles away from London, in Brussels, is no concern of ours. This was, after all, an attack by Belgian citizens in Belgium [13]. / Лорд Уоллас из Салтэйр: Милорды, если позволите, то я начну с личного; пока я смотрел телевизионный репортаж об атаке на Стамбул, я вспомнил, что произошло это за несколько дней до того, как я прогуливался между заседаниями по этой улице в Стамбуле. Рассматривая фото Брюсселя, где моя жена ходила за день до того, что случилось, я задумался, что все это не так уже далеко от нас. Это часть нашего мира. Я нахожу отвратительным тот факт, что кампания по выходу Великобритании из ЕС пыталась предложить нам отгородиться от всего мира, и что то, что происходит в 100 милях от Лондона, в Брюсселе – не наша забота. Это была все-таки атака бельгийских граждан на Бельгию.

С данной тактикой очень часто используют тактику укора, которая вызывает к чувствам и совести адресатов, путем использования ЛЕ категории состояния и эмоций (*ashamed, concern, compassion*), а также идиом (*turning a blind eye*):

Ann Clwyd (Cynon Valley) (Lab): Nevertheless, thousands of children are still waiting to be resettled. We have been having this debate for weeks and months. I am ashamed when I listen to debates in the European Parliament about this issue and hear concern and compassion – something that seems to be singularly lacking in this place [15]. / Энн Клуид (Долина Синон): Тем не менее, тысячи детей все еще ждут размещения. Наши дебаты длятся недели и месяцы. Мне стыдно, когда я слушаю дебаты в Европарламенте по этому вопросу и слышу обеспокоенность и сострадание – то, чего однозначно нет здесь.

Baroness Sheehan (LD): We know that this Government are ignoring human rights transgressions by trading partners, but are they also turning a blind eye to the killing of refugees by European and Turkish border forces [16]? / Баронесса Шиан: Мы знаем, что наше правительство игнорирует нарушения прав человека, осуществляемые торговыми партнерами. Но они также смотрят сквозь пальцы на убийства беженцев европейскими и турецкими пограничными войсками?

Нельзя не отметить, что в британских парламентских дебатах **тактика иронии** используется очень редко, так как она, унижая достоинство личности коммуниканта, противопоказана с точки зрения политической корректности. Однако когда нарушается порядок проведения дебатов, ведущий дебатов и некоторые спикеры могут себе позволить использование данной тактики в качестве средства привлечения внимания и наведения порядка:

Mr Speaker: Order. The hon. Member for Isle of Wight is chuntering, from a sedentary position. "It is up to the French." The hon. Gentleman is welcome to his opinion, but his opinion is not enhanced by his suddenly winking at me as though in self-justification [15]... / Господин Спикер: К порядку. Дistinguished. Представитель от острова Уайт бормочет что-то под нос сидя. – «Это дело французов.» Distinguished. Мы рады выслушать мнение господина, но внезапное подмигивание не оправдывает его.

Языковыми маркерами данной тактики, как правило, является использование перформативных глаголов с экспрессивным значением (*to chunter from a sedentary position, to suddenly wink at me*), указывающих на неуместность поведения говорящего в данной ситуации. Противопоставление другого мнения (*that's my point*), опровержение позиции предыдущего спикера путем использования отрицания (*this is not a laughing matter, and it is not "up to the French"*), указание на его несостоятельность также усиливает перлокутивный эффект данной тактики: адресат дискредитирован.

Joanna Cherry: This is not a laughing matter, and it is not "up to the French" when those children have connections with the United Kingdom. That is my point [Ibidem]. / Джоанна Черри: Это не повод для смеха, и это «не только дело французов», если у тех детей есть родственники в Соединенном Королевстве. Такова моя точка зрения.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть актуальность и значимость использования стратегии дискредитации в британском дискурсе парламентских дебатов. Именно благодаря этой стратегии у массовой аудитории формируются представления о политических деятелях и общественных институтах власти. Стратегия дискредитации – это все о личности, о социокультурной обстановке и наследии эпохи. Стратегия дискредитации, реализуемая такими тактиками, как тактика противопоставления, создания негативного образа, разоблачения, косвенного обвинения, отождествления, укора, иронии, основана на использовании широкого спектра лингвистических и стилистических средств. Мастерское владение данной стратегией способствует эффективному взаимодействию коммуникантов, позволяет не допустить или урегулировать возникающие парламентские конфликты, которые могут негативно отразиться на политической, социальной и экономической обстановке в стране.

Список литературы

1. Анкудинова Е. И. Манипулятивный потенциал стратегии дискредитации (на примере радиообращений Р. Лимбо) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17 (232). С. 23-26.
2. Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96-101.
3. Громько С. А. Речевая стратегия дискредитации в русской парламентской дискуссии начала XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 97-100.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Калинин К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2009. 21 с.
6. Клушина Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] // Медиаскоп: электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2012. Вып. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1242> (дата обращения: 15.04.2016).
7. Крячкова А. П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политических дебатах немецкого Бундестага // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10-1 (52). С. 89-92.
8. Никифорова М. В. Стратегия дискредитации в дискурсе регионального политика (на материале речей мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана) // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 101-105.
9. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2006. 325 с.
10. Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А. Прагма-риторическая перспектива исследования англоязычного парламентского дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43). С. 211-217.
11. Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А., Триус Л. И. Основные коммуникативные стратегии в британском парламентском дискурсе дебатов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12-1 (54). С. 204-207.
12. Brussels Terrorist Attacks [Электронный ресурс] // House of Commons Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-03-23/debates/16032339000003/BrusselsTerroristAttacks> (дата обращения: 23.04.2016).
13. Brussels Terrorist Attacks [Электронный ресурс] // House of Lords Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2016-03-23/debates/16032356000445/BrusselsTerroristAttacks> (дата обращения: 23.04.2016).
14. European Union: Refugees [Электронный ресурс] // House of Lords Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2016-03-01/debates/16030157000314/EuropeanUnionRefugees?highlight=European%20Union%20Refugees#contribution-16030157000106> (дата обращения: 23.04.2016).
15. Refugees [Электронный ресурс] // House of Commons Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-04-11/debates/1604111000011/Refugees> (дата обращения: 23.04.2016).
16. Refugees: Deaths in Mediterranean and Aegean Seas [Электронный ресурс] // House of Lords Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2016-04-11/debates/1604115001375/RefugeesDeathsInMediterraneanAndAegeanSeas> (дата обращения: 23.04.2016).

DISCREDITING STRATEGY IN THE DISCOURSE OF MODERN BRITISH PARLIAMENTARY DEBATES

Shiryayeva Tat'yana Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Chernousova Yuliana Anatol'evna, Ph. D. in Philology

Trius Liliya Ivanovna, Ph. D. in History

Pyatigorsk State Linguistic University

shiryayevat@listl.ru; ellemoi@rambler.ru; lilya_trius@mail.ru

The article examines the discrediting strategy as one of the basic communicative strategies of the British parliamentary discourse of debates. The authors focus attention on the importance of studying this strategy that shapes the mass audience's idea about politicians and governmental institutions. The main speech tactics realizing the discrediting strategy: opposition, negative public image making, exposure, oblique accusation, identification, reproach, irony, based on the use of a wide range of linguistic and stylistic means, are identified and analyzed in the paper. The use of this strategy contributes to the effective interaction of communicants, allows the speaker to achieve a required planned effect on the audience, and minimizes appearing parliamentary conflicts, which have a negative impact on the political, social and economic situation in the country.

Key words and phrases: communicative intention; communicative strategy; speech tactics; language marker; parliamentary discourse; parliamentary debates; discrediting strategy.